

П. Г. Мартысюк

Российский государственный социальный университет филиал
в г. Минске, главный редактор журнала «Гісторыя і грамадазнаўства»,
г. Минск, Республика Беларусь

**Циклическая динамика культуры как следствие
мифологизации природы**

Статья посвящена циклической динамике культуры, её генезису и становлению, нашедших раскрытие в природе, мифе и ранних формах религии, детерминирующих синкретизм первобытной культуры. Циклические процессы, свойственные природе, формируют идею неизменности и постоянства. В природе возникает множество различного рода циклических вариаций, неконтролируемых отдельно взятым биологическим организмом. В силу отсутствия рефлектирующего сознания он не в состоянии преодолеть зависимость от циклических процессов, в которые инстинктивно вовлечен. В отличие от природы в сообществе людей возможен процесс преодоления субъектом внешних социокультурных циклов, что объясняется особенностями рефлектирующего сознания. В мифологической традиции повторяющиеся культурные процессы могут быть творчески восприняты мыслящим субъектом в качестве закономерностей, сопряженных с идеей конструктивного цикла, спроецированного на его глубинную экзистенциальную природу. Процесс восприятия конструктивных циклов на ранних этапах развития культуры сопровождается их мифологизацией и сакрализацией. Сравнительный анализ динамики культуры и динамики природы выявляет их общие черты и существенные различия. В результате чего циклическая динамика культуры выступает как разновидность развития, содержащая элементы прогрессизма, в то время как цикличность в природе исчерпывается вегетативными гомогенными циклами.

Культурологический анализ циклической динамики культуры, основанной на семантике мифологических и религиозных воззрений, позволяет рассмотреть диалектику идеального и материального в процессе формирования и познания различных форм культуры; сформировать методологическую основу для разработки циклической парадигмы общественного развития, основанную на искусственно проектируемой культурологической мифосемантической основе целенаправленного конструирования социально-культурной реальности.

Ключевые слова: культура, циклическая динамика культуры, линейность, миф, цикличность, метаморфоза, всеобщее оборотничество, природа, биосенос, природные циклы.

P. G. Martysiuk

Russian State Social University branch in Minsk, Chief Editor of the «History and Society» journal, Minsk, Republic of Belarus

The Cyclical Dynamics of Culture as a Consequence of the Mythologization of Nature

The article is devoted to the cyclical dynamics of culture, its genesis and formation, which have been revealed in nature, myth and early forms of religion, which determine the syncretism of primitive culture. Cyclic processes inherent in nature form the idea of immutability and constancy. In nature, there are many different kinds of cyclic variations that are not controlled by a single biological organism. Due to the lack of reflective consciousness, it is not able to overcome the dependence on the cyclic process in which it is instinctively involved. In contrast to nature, in the community of people the process of overcoming by the subject of external sociocultural cycles is possible, which is explained by the features of reflective consciousness. In the mythological tradition, repeating cultural processes can be creatively perceived by the thinking subject as patterns associated with the idea of a constructive cycle projected onto its deep existential nature. The process of perceiving constructive cycles in the early stages of the development of culture is accompanied by their mythologization and sacralization. A comparative analysis of the dynamics of culture and the dynamics of nature reveals their common features and significant differences. As a result, the cyclical dynamics of culture acts as a kind of development containing elements of progressivism, while the cyclical nature is limited to vegetative homogeneous cycles.

A culturological analysis of the cyclical dynamics of culture, based on the semantics of mythological and religious views, allows us to consider the dialectics of the ideal and the material in the process of formation and knowledge of various forms of culture. To form a methodological basis for the development of a cyclical paradigm of social development, based on the artificially designed cultural mythological and semantic basis for the purposeful design of socio-cultural reality

Keywords: culture, cyclical dynamics of culture, linearity, myth, cyclicity, metamorphosis, general werewolf, nature, biocenosis, natural cycles.

Введение. Целью представленной статьи является выявление истоков циклической динамики культуры, основанной на семантике и морфологии мифорелигиозных установок натуралистического

типа. В процессе реализации цели исследования автор обращается к генезису мифонатуралистических оснований циклической динамики как рефлексии циклических процессов в естественной среде (вегетация, метаморфоза, регенерация и др.), зафиксированных в мифе и мифосемантических ориентирах культуры на ранних стадиях её развития.

В рамках проведённого исследования феномен природной повторяемости положен в основу динамики культуры, представленной в качестве структурно-смыслового образования, включающего многослойные устойчивые топологические уровни цикличности.

Динамика культуры занимает особое место в системе гуманитарного знания. К ней питают нескрываемый интерес представители культурологии, социологии, политологии, семиологии, этнографии и др. Особое место в их работах отводится циклической динамике культуры, на ранних этапах своего возникновения детерминированной системой натурмифологических представлений различных народов мира.

Значительное внимание исследованию феномена цикличности в природе и мифе уделяется в многочисленных трудах А. Лосева, посвящённых античной культуре («Античная философия истории», «История античной эстетики», «Мифология греков и римлян» и др.). В учении А. Лосева феномен цикличности получает реализацию в рамках онтологии мифа и распространяется на мифологическое время. Он же реализуется в натурмифологических вещественно-телесных оборотнических вариациях.

Инверсия как один из вариантов цикличности определяется принципом бинарности, который пронизывает мифологическое мышление, основанное на рефлексии природных процессов. Обращение к принципу бинарности как важнейшей составляющей структуры мифа нашло выражение в трудах таких исследователей традиционных культур, как К. Леви-Строс («Мифологии», «Структурная антропология»), Ж. Дюмезиль («Верховные боги индоевропейцев»), Б. Малиновский («Магия, наука и религия»), А. Рэдклифф-Браун («Структура и функция в примитивном обществе: очерки и лекции»), М. Элиаде («Аспекты мифа», «Миф о вечном возвращении», «Священное и мирское») и др.

Применительно к исследованию аграрной мифологии несомненный интерес представляет концепция, созданная российски-

ми учёными О. М. Фрейденберг («Миф и литература древности», «Поэтика сюжета и жанра»), В. Н. Топоровым («Космогонические мифы», «Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы»), Б. А. Рыбаковым («Язычество Древней Руси», «Язычество древних славян») и др. Согласно ей, представления о цикличности как смене времён года могут быть изображены в качестве семантики перехода от природы к культуре, от хаоса к космосу, от дряхлеющей и отживающей свой век прежней реальности к реальности, несущей в себе факт обновления. Процесс семантизации ритма, раскрытый в работах российских учёных, распространяется на онтологию пространства и времени и выстраивается на гомологии антропоморфных частей тела и вещественных атрибутов космоса.

Методы исследования. С целью исследования проблемы автором был использован ряд теоретических методов: диалектический, выявляющий натуралистическую плодотворность противоречия, определившего ряд мифосемантических модификаций цикличности; структурно-функциональный, позволяющий исследовать феномен инверсии путем обращения к бинару как семантическому принципу организации содержания мифа и обеспечения взаимосвязей между структурными элементами его и природы; метод компаративного анализа, использование которого предоставляет возможность соотнесения параллельных натуралистических и мифологических вариаций с целью установления качественной специфики приоритетов феномена цикличности; семиотический, который дает описание семантики мифа, основанной на дуальном принципе восприятия мира архаическими народами, а также открывает перспективы объективации цикличности в знаково-мифологических формах выражения.

Результаты исследования и их обсуждение. Под циклической динамикой культуры следует понимать развитие и изменения циклического типа, присущие отдельным типам, сферам и формам культуры. Несмотря на то что в отличие от линейной динамики циклическая динамика культуры не сводится к гомогенным эволюционистским схемам, рассматривающим развитие культуры в контексте её прогрессистского усовершенствования, она тем не менее включает в свой смысловой конструкт элементы линейности. Подобное становится возможным в рамках циклического развития. В современной ситуации циклическая динамика наделяется ши-

роким семантическим диапазоном, включающим изменения нелинейного типа, а также взаимодействие структурных компонентов культуры, придающих ей устойчивый, повторяющийся характер.

В качестве источника культурной динамики, в частности применительно к её циклическим вариациям, выступает природа. В рамках культурологического знания искусственная среда нередко противопоставляется натуральной среде. Подобная точка зрения отчасти обусловлена присутствием в современной культурной традиции позитивистских взглядов, рассматривающих культуру как результат победы над стихийными силами природы. В некотором смысле она умоляет конструктивную связь культуры и природы и в полной мере не учитывает особенности телесной и духовной организации человека. В этой связи следует напомнить о том, что природа в истории культурной мысли далеко не всегда противопоставлялась культуре. В различные времена она выступала источником творческого вдохновения художников и поэтов, а также служила основой построения научных теорий и гипотез. Многовековой опыт человечества, закреплённый в семантике культуры, также подтверждает факт неразрывной взаимосвязи природы и культуры, основанный на единстве биофизиологических и культурных циклов.

На основании вышесказанного можно сделать вывод о том, что представления о циклической динамике культуры в различные периоды истории базировались на наблюдении и изучении политических и хозяйственных циклов, ритмов в развитии искусства, науки и повседневной жизни. Немалое место в них отводилось и жизненным циклам индивида, которые, на наш взгляд, наиболее важны для оценки культурного процесса.

В рамках исследования циклической динамики культуры вполне уместно обратиться к проблеме мифологизации природных циклов. Она не только оказала влияние на формирование ранних форм культуры, но и предварила семантические основания циклической динамики как явления культуры, объединившего в смысловом поле систему мифологических представлений, связанных с процессами, мыслимыми как возвращающиеся и повторяющиеся.

Тема связи мифологии с процессом повторения явлений природы в человеческом сознании является одним из ключевых положений философии мифа Ф. Шеллинга. Данное положение укрепля-

ет нас в мысли относительно природных циклов как важнейшего источника представлений о неизменно воспроизводящихся формах сущего. Неоспоримым подтверждением сказанного является тот факт, что всё в природе соотнобразуется с законом цикличности. Этот закон невозможно отменить, так же как невозможно изменить определённые этапы в его развитии.

В основе большинства циклических природных процессов лежит принцип самосохранения, выступающий в качестве непосредственного источника феномена «возвращения на круги своя». Природа подвержена постоянному круговороту, возвращению одних и тех же явлений с неизменной последовательностью. Всякое движение и всякий процесс, начавшись с определённого момента, опять же оборачиваются к тому же состоянию, с которого начинались. Небесные светила всегда возвращаются через известный промежуток времени в исходное положение, откуда начинали своё движение. С одинаковой последовательностью происходит смена времён года, сопровождающаяся закономерным повторением температуры воздуха. С неизменным постоянством повторяются морские приливы и отливы, связанные с убывающей и прибывающей луной. Флора и фауна также оказываются подчинёнными закону вечного повторения. Спиралевидное устройство присуще различным живым организмам: панцирям черепах, раковинам моллюсков, морским звёздам и т. д. Спиралевидный рисунок нередко встречается в окраске различных насекомых и животных и т. д.

Влечение к повторению является неотъемлемой характеристикой инстинктивного поведения высокоразвитых биологических видов. Подражание себе подобным отвечает поведению самой биологической особи и представляет собой движущую силу всей её репродуктивной, генетической памяти. По сути поведение данного животного определяется через прошлую жизнь его сородичей, а в дальнейшем передаётся последующему поколению.

Отдельные виды биологических организмов обладают генетической способностью при опасности отбрасывать части тела с последующей их регенерацией. Лапа сенокосца (разновидность паукообразных), оставленная в случае угрожающей ему опасности, способна на протяжении некоторого времени совершать колебательные движения, тем самым функционально замещая субстанцию тела. В какой-то мере колебательный тип как своеобразный тип движе-

ния природной формы может быть рассмотрен в качестве источника осциллирующей динамики культуры. При этом часть тела биологической особи ведёт себя по отношению к окружающему миру экстатически, в то время как его субстанция ведет себя «разумно». Возможно, это является источником одного из принципов мифа, согласно которому атрибут мифической субстанции наделяется способностью отделяться от самой субстанции, действовать самостоятельно, а иногда и брать её функции на себя целиком. Идея независимого и полноценного существования части вне своего тела нашла выражение в различных мифологических системах, включая и относительно поздние варианты мифотворчества. Проводя различие между умом первобытного и современного человека, Ф. Боас неслучайно указывает на данную особенность мифологического мышления. «То, что мы считаем состояниями объекта, например здоровье и болезнь, рассматриваются первобытным человеком как независимые реальности» [1, с. 110].

Способность части тела отделяться от тела с последующим её автономным существованием прослеживается и в относительно поздних вариантах мифотворчества. Примером тому является «бесмертное» литературное произведение Гоголя «Нос».

В основе циклизации витальной биологической формы осциллирующего типа заложено стремление к её самосохранению. Само по себе самосохранение в данной ситуации эквивалентно воспроизводству, восходящему к природному циклу. «Завершающий момент отдельно взятого природного цикла предваряет последующее восстановление, расставляющее отдельные жизненные формы на отведённые для них места в рамках последующего цикла. Смерть (разрушение), на первый взгляд казавшаяся полной, непосредственно подготавливает будущность в рамках последующего цикла. В определённой мере это соотносится с циклическими процессами в природе. К примеру, смерть древесной почки приводит к рождению листа. Через определённый отрезок времени почка, исходя из очередного вегетативного цикла растения, появляется вновь – и так продолжается до бесконечности» [2, с. 20–21].

В семантическом измерении погибшее и возрождённое семя, будучи связанными с началом жизни растения, могут быть представлены в качестве ключа жизни и символа вечных циклов возрождения. В семени сокрыто символическое начало цикла приро-

ды, представляемое как вечный процесс сменяющих друг друга жизни и смерти.

Во «Введении в философию мифологии» Ф. Шеллинг не только указывает на родственность мифологии природе, но и отдельно подчёркивает, что «у нее есть то общее с природой, что она представляет как замкнутый в себе мир, а по отношению к нам – как прошлое» [3, с. 349].

Определяя место мифологического пространства среди других видов пространства, Э. Кассирер отмечал, что оно «занимает своеобразную среднюю позицию между чувственным пространством восприятия и пространством чистого познания, пространством геометрического созерцания» [4, с. 99]. Подобная мысль подтверждает качественное своеобразие природы мифологического пространства, не укладывающейся в рамки рационального сознания. Во многом это объяснимо тем, что фантастическая выдумка, присущая мифу, не отделяется от эмпирического мира, а также тем, что структура мифа имеет далеко не отвлеченный характер. Это значительно проясняет феномен сращивания разнородных пространственных форм в единые, реально осязаемые фантазмагорические образования.

Необходимо заметить, что мифологическое пространство не только неоднородно и не бесконечно, но и предметно, чувственно и конкретно. Оно способно локализоваться по мере своего содержательного наполнения. Все благое локализуется в центре пространства, в то время как злое оттесняется на периферию. Мифологическое пространство способно сакрализироваться. Это происходит, когда оно выступает центром встречи космических сил, вертикальной осью мира, средоточием мирского блага, местом манифестации божественного и т. д. Например, в эддическом мифе в середине пространства размещается обитель богов и людей. Здесь же произрастает и мировое древо, ясень Иггдрасиль, который обладает весьма интересной особенностью. Его первый корень (асов) находится на небе. В немецкой сказке предполагается, что колодец Хольда (Метелицы) ведёт не вниз, а наверх – на небо, так как, когда служанка взбивает перину, из неё летит пух-снег на землю.

Верх и низ в пространственном измерении мифа неким образом совпадают, тем самым открывая возможность достижения верхнего мира из нижнего через древо. Вертикаль своеобразным

образом круглится. Горизонталь не противоречит вертикали. Карлик в определённый момент может стать великаном. В «Калевале» богатырь, явившийся из морских волн с целью срубить дуб, сначала оказывается величиной с палец, но затем незаметно обретает рост великана. Горизонталь и вертикаль подчинены единому круговому движению. В связи с этим продолжительное движение вперёд может привести как в верхний, так и в нижний мир. Перечисленные факты пробуждают к жизни мысль, что у самого становления нет завершения, значит, нет и цели.

Ещё до появления объективных представлений о пространстве и времени для мифологического сознания было характерно особое ощущение периодичности и ритмичности окружающего мира, занимающего доминирующее место в жизни и деятельности. Не случайно близость пространства и времени в мифе выражается в том, что время нередко подменяется определёнными содержательными пространственными структурами, для которых характерно появление и исчезновение, ритмичность и становление.

Нередко мифологическое время находит выражение в различных видах деятельности, например в сезонных работах, занимающих важнейшее место в жизни человека. Здесь понятие «циклическое время» оказывается приложимым к хозяйственному годовому циклу. Принимая циклический характер, время движется по замкнутой кривой, выявляя при этом свой целостный характер. О целостном характере мифологического времени свидетельствует его сферическая модель. При этом сферное время, соединяясь со сферным пространством, пронизывает весь бытовой уклад архаического человека.

Время оказывается связанным с космическими ритмами, с исчезновением и возвращением различных материальных форм. Те же природные формы, например небесные светила, воспринимаются в связи с уходящим и возвращающимся временем, с неким универсальным порядком и судьбой. Регулярность природных явлений, периодичность обращения небесных светил в рамках мифа воспринимается как важнейший момент жизнедеятельности всего сущего, в том числе человека.

На непосредственную связь природных ритмов с бытием человека в контексте мифологического пространства указал Э. Кассирер. «Смена дня и ночи, пробуждение и угасание растительного

мира, цикл времён года: всё это постигается мифологическим сознанием поначалу лишь через проекцию всех этих явлений на наличное бытие человека, в котором оно отражается, как в зеркале» [5, с. 123]. Обращение к природным ритмам является источником возникновения календарных ритуалов, которые, опять же, непосредственно связаны с циклической моделью мифологического времени.

Замкнутое пространство мифа сродни локальному пространству биоценоза. Биоценоз как способ сосуществования биологических форм в мифологической традиции подменяется божеством Род. Локальность биоценоза, может быть, идентифицирована мифологическим сознанием в качестве тотемного пространства. Тотемное пространство одновременно выступает как родовое пространство, в котором жизнь и смерть являются единым целым, погруженным в бесконечно циркулирующий витальный процесс.

Основным носителем идейного содержания родового витального пространства календарно-обрядовой культуры выступает крестьянство. Крестьянство в определённой мере сохранило традиционный образ жизни, создало богатый по своему содержанию фольклор, в котором немаловажное место занимают и мифопоэтические представления, содержащие символику цикличности.

Благодаря биогенному круговороту биоценоз представляет собой динамичную, саморегулирующую систему, в которой все компоненты связаны между собой. В биоценозе мимикрия, покровительственная окраска, метаморфоза как способы выживания и воспроизводства биологического организма подчинены единому динамическому процессу, присущему природе.

Замкнутость мифологического мира выдвигает на первый план феномен метаморфозы, в архаической культуре зачастую представленный в виде всеобщего оборотничества. Данный феномен имеет ярко выраженные динамические характеристики, в связи с чем представляет определённый интерес для настоящего исследования.

Циклическая динамика, лежащая в основе синкретизма архаической культуры, «сформировала логику мифа, на основании которой архаическая картина мира строится исходя из принципа «все есть все» или «все во всем». Это объясняет природу происхождения вещей из различных субстанциальных форм мифа и последующее в них возвращение. Феномен оборотнического всеприсутствия фор-

мирует у человека способность к идентификации себя с другими людьми, животными, растениями, неодушевленными предметами, а также различными природными явлениями» [6, с. 9].

Мифологическое оборотничество свидетельствует об определённой динамике материи, опредмечивающейся в превращённых формах сущего. Важно обратить внимание на то, что оно оказывается связанным с потребностью в сохранении собственной сущности, что в конце концов приводит отдельные мифологические формы к возвращению на круги своя в пределах всё того же замкнутого пространства. Оборотничество также исключает возможность трансцендирования за пределы мифологического пространства, хотя, будучи опосредованным мифоритуальным комплексом, получает возможность соприкосновения со сверхсущим. Несмотря на некоторые ограничения сущего, вызванные спецификой мифологического пространства, возможности всеобщего оборотничества от этого не сужаются. В определённой степени это согласуется с мыслью М. Стеблин-Каменского о том, что «в мифе... настолько же больше возможностей развития, насколько эти возможности меньше предопределены. Отсюда характерное для мифа развитие действия: резкие повороты, неожиданные превращения, нанизывание событий, непредсказуемых из предшествующего» [7, с. 52].

Обращаясь к природе оборотничества, необходимо указать на её амбивалентный характер. С одной стороны, она непосредственно связана со стремлением отдельных мифологических форм к удержанию в неизменности своей сущности, что выдерживает интенциональную направленность мифа в целом. С другой стороны, она обусловлена стремлением отдельных форм сущего выйти за пределы замкнутого пространства мифа. Однако любое стремление преодолеть замкнутость пространства мифа оборачивается возвращением к исходному положению. По этой причине рост отдельных форм сущего далёк от подлинного становления. Что касается возвращения в исходное состояние, то оно в конечном счёте оборачивается чередой различных перевоплощений, за пределы которых выйти не представляется возможным. В данном случае мы имеем дело с протеизмом, демонстрирующим множество сменяющих друг друга форм в пределах единой неизменной физической субстанции.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что метаморфоза порождается синкретическим дорефлексивным сознани-

ем. Её природа во многом обусловлена неспособностью отдельного человека на ранних этапах становления общества отделять себя от своей общины и природы. Он мыслил себя носителем сил этой общины и этой природы. Будучи носителем не только своих собственных сил, но и всего другого в той или иной мере, в тех или иных размерах, он может мыслить себя каким-нибудь другим индивидуумом, носителем его сил и находиться во власти иллюзий такого перевоплощения.

В качестве всеобщего оборотничества метаморфоза выступает как воплощение множественности циклов, демонстрирующих переход сущего от одной хтонической формы к другой. Более зрелые, проэволюционирующие вариации метаморфозы представляют идею единого цикла (жизнь–смерть–жизнь), примером являются метаморфозы, закрепившиеся в античной традиции: Гиацинт, Нарцисс, Актеон и др., представленные в ярких поэтических тонах римским поэтом Овидием.

Применительно к человеческой природе метаморфоза исчезает, как только человек начинает резко и принципиально различать «я» и «не-я», т. е. когда он не растворяется в природе, а себя ей противопоставляет, и когда каждая вещь становится для него тем самым твердо определенной вещью, допускающей одни свойства и исключающей другие. По сути, с уходом синкретического дорефлексивного мышления исчезает и метаморфоза, демонстрирующая генетическую связь человека с природой. Зарождающееся рефлексивное сознание обретает способность устанавливать дистанцию между объектом и субъектом.

В дальнейшем метаморфоза, представленная в качестве способа воспроизводства природной формы, в культуре приобретает универсальный характер, затрагивая её предметную и духовную сферы. В последующих построениях культуры можно найти аналогии той разновидности биологического развития, когда на определенном этапе происходит одноразовая и неожиданная для наблюдателя метаморфоза. В качестве художественного образа она присутствует в различных сказочных персонажах. Один из них, например, повествует о том, как царевна-лягушка сбрасывает свою шкурку и, во многом уподобляясь бабочке, расстается с коконом, приобретая своё первоначальное человеческое обличие.

Размышления о метаморфозе и генетически связанных с ней процессах регенерации, превращения, возрождения выступают одной из предпосылок формирования культурного феномена цикличности и занимают по праву важное место в различных мифологических системах, нередко выступая их организующим принципом.

Мифосемантическую природу циклической динамики культуры на ранних этапах её становления детерминируют не только природные, но и производные от них – антропологические и космические циклы. Во многом это было обусловлено тем, что циркуляция природных процессов в системе мифологических воззрений неотъемлемо связывалась с присущим им источником жизненной силы и бессмертия, гарантирующим вечную жизнь всему сущему.

Природа в древности наделялась мифическими чертами, такими как одушевлённость, божественность и демоничность. В ней сокрыты силы, дарующие человеку благо и одновременно несущие разрушение. На исходе первобытного общества мы уже обнаруживаем стремление к гармонизации природной стихии, нашедшей выражение в поэтическом творчестве, в частности Гомера. А. Лосев указывает на то, что «Гомер бесконечно далёк не только от первобытного фетишизма, но даже и от грубого анимизма. То стихийное в природе, что у него представлено как божественное и демоническое, уже в значительной степени опозитизировано, вовлечено в контекст интересного и эстетически занимательного рассказа и совершенно лишено ужасов и чудовищ первобытной мифологии» [8, с. 121–122].

Фетишистско-анимистическая система представлений со временем сменяется на антропоморфическую, в последующем получившую оформление в природном универсуме, именуемом в античной традиции, а в последующем и в более поздних европейских культурно-исторических типах Космосом.

В достаточно богатой классификации мифов, представленной в рамках архаической культуры, выделяются их основные разновидности, в большей или меньшей степени иллюминирующие возможности циклической динамики, а также, в свою очередь, обязанные ей схожестью своей структуры и смысловой направленности. К ним необходимо отнести космогонические, эсхатологические и календарные мифы, в основе которых заложен принцип тождества макрокосма и микрокосма, мира и человека.

В космологический период мифосемантика выстраивается на максимальном сближении, а то и отождествлении природы и человека. При этом человек рассматривается в качестве микрокосма, а природа – макрокосма. В. Топоров не случайно указывает на ипостасность человека как элемента космологической системы. «Его состав, плоть его в конечном счете восходят к космической материи, которая, оплотнившись, легла в основу стихий и природных объектов (например, элементов ландшафта). Существует класс весьма многочисленных мифопоэтических текстов из самых разных традиций, в основе которых лежат отождествления космического (природного) и человеческого (плоть–земля, кровь–вода, волосы–растения, кости–камень, зрение (глаза)–солнце, слух (уши)–страны света, дыхание (душа)–ветер, голова–небо, разные члены тела–разные социальные группы, и т. д.)» [9, с. 29–30]. В продолжение сказанного особый интерес представляют мифы о Первочеловеке (Адам, Имир, Пуруша и др.). Эти мифы встраивают элементы физической природы человека в пространственное измерение мира, тем самым придавая их соединению мифосемантическое значение.

Заключение. В заключении следует отметить, что концептуализация наблюдений за циклическими процессами в природе определяет магистральную линию учения о циклических процессах в культуре, берущую начало в мифологической традиции. В ней оказываются предельно сближенными жизненные циклы человека, промыслово-хозяйственные, природно-календарные и т. д. Несмотря на внешнюю схожесть природных и культурных циклов, между ними имеются существенные отличия. В отличие от изменений природного типа, которые в своей основе носят механический, инстинктивный характер, перемены в общественном устройстве нередко имеют инновационную, творческую направленность. Социокультурный процесс обладает непрерывным движением, осуществляющимся преимущественно по спиралевидной линии. Он включает в себя в равной мере элементы как прогрессизма, так и циклизма и регрессизма. В социокультурной сфере преодолевается замкнутость и ограниченность, присущая биоценозу, что пробуждает к жизни линейные вариации развития, преодолевающие однородные циклы, в которых природа в плане эволюции имеет существенные ограничения. Циклическая динамика культуры являет собой разновидность развития, в то время как цикличность, представ-

ленная в виде природных гомогенных циклов, обладает механизмами, препятствующими развитию, так как ограничивается воспроизводством одних и тех же природных форм. Циклическая динамика, присущая культуре, в полной мере возникает тогда, когда в очередном культурном цикле начало и конец не совпадают, в силу чего цикличность наделяется чертами циклического развития.

Предложенные автором теоретико-методологические подходы открывают перспективу комплексного исследования циклической динамики европейской культуры, способного прояснить природу мифа и генетически связанных с ним форм культуры мифорегиозной направленности, сориентированной на утверждение религиозных, нравственных и эстетических ценностей.

Результаты настоящего исследования могут быть использованы для обоснования концепции циклической динамики как попытки разрешения противоречий в европейской культуре в контексте целостного взаимосвязанного мира, обновления традиционно сложившихся в европейской культурной традиции исследовательских программ, позитивных теоретико-практических моделей, ценностных ориентаций и деятельности регулятивов.

Библиографический список

1. Боас Ф. Ум первобытного человека. М.; Л.: Государственное изд-во, 1926. 154 с.
2. Мартысюк П. Г. Циклическая парадигма культуры: пути самоопределения // Человек. Культура. Образование. 2018. № 3 (29). С. 19–26.
3. Шеллинг Ф. В. Й. Введение в философию мифологии. Сочинения : в 2 т. М.: Мысль, 1989. С. 159–375.
4. Кассирер Э. Избранное. Индивид и космос / сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; пер.: А. Г. Гаджикурбанов [и др.]. М.; СПб.: Унив. кн.: Культур. инициатива, 2000. 654 с.
5. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке / сост.: С. Я. Левит, Л. В. Скворцов ; пер.: Б. Вимер [и др.]. М.: Гардарики, 1998. 784 с.
6. Мартысюк П. Г. Эволюция мифологической идеи вечного возвращения в европейской культуре : автореф. дис. ... д-ра философ. наук / Санкт-Петербургский государственный университет. СПб., 2008.
7. Стеблин-Каменский М. И. Миф / Акад. наук СССР. Л.: Наука, 1976. 104 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Ладомир, 1994. 544 с.

9. Топоров В. Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

References

1. Boas F. *Um pervobytnogo cheloveka* [The mind of primitive man]. Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1926, 154 p. (In Russ.)
2. Martysyuk P. G. *Tsiklicheskaya paradigma kul'tury: puti samoopredeleniya* [The cyclic paradigm of culture: the path of self-determination]. *Человек, культура и образование* [Human. Culture. Education], 2018, no. 3 (29), pp. 19–26. (In Russ.)
3. Shelling F. V. Y. *Vvedeniye v filosofiyu mifologii* [Introduction to the philosophy of mythology]. Works in 2 vols. Moscow, Thought Publ., 1989, pp. 159–375. (In Russ.)
4. Kassirer E. *Izbrannoye. Individa i kosmos* [Favorites. The individual and the cosmos]. Moscow, St. Petersburg, University Book Publ.; Cultural Initiative Publ., 2000, 654 p. (In Russ.)
5. Kassirer E. *Izbrannoye. Opyt o cheloveke* [Favorites. Experience about a person]. Moscow, Gardarika, 1998, 784 p. (In Russ.)
6. Martysyuk P. G. *Evolutsiya mifologicheskoy idei vechnogo vozvrashcheniya v yevropeyskoy kul'ture* [The evolution of the mythological idea of eternal return in European culture. Dr. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2008. (In Russ.)
7. Steblin-Kamenskiy M. I. *Mif* [Myth]. Acad. sciences of the USSR. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 104 p. (In Russ.)
8. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Rannyya klassika* [The history of ancient aesthetics. Early Classics]. Moscow, Ladomir, 1994, 544 p. (In Russ.)
9. Toporov V. N. *Mirovoye derevo: Universal'nyye znakovyye kompleksy* [World tree: Universal iconic complex]. Vol. 1. Moscow, Manuscript monuments of Ancient Russia, 2010, 448 p. (In Russ.)